

ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

ПУТЬ

ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

ПУТЬ

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А28

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Адамова-Слиозберг, Ольга Львовна
А28 Путь / ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 304 с. (Памяти XX века).

ISBN 978-5-17-111153-3

Новое издание мемуаров Ольги Адамовой-Слиозберг, написанных в 1950-е — 1960-е годы, повествуют о двадцати годах тюрем, лагерей и ссылок, через которые ей пришлось пройти в сталинские годы. Автор создает портретную галерею людей, встречавшихся ей на этом горьком пути, небольшой по объему текст настолько густонаселен, что оставляет ощущение широкого полотна ужасающих человеческих страданий. Судьба сводила Ольгу Львовну с самыми разными персонажами — правоверными коммунистами и критиками режима, уголовниками и утонченными интеллигентами, — но она никогда не стремилась дать им идеологическую оценку, она видела в них прежде всего страдающих людей. Именно неподдельный гуманизм и жалость к людям определяют угол зрения, под которым автор смотрит на свершившуюся безжалостную эпоху.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111153-3

© О. Адамова-Слиозберг, наследники, 1989, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Наум Коржавин. С человеческой точки зрения	7
--	---

Часть первая

Щепка	17
Начало крестного пути	20
Лубянская тюрьма	25
Следствие	33
Методы следствия	37
Дар матери	40
Бутырская тюрьма в 1936 году	42
Суд	59
Соловки	63
Казанская тюрьма	76
Лиза	84
Суздаль	89
Этап	95

Часть вторая

Магадан. Мой первый лагерь	105
Алтунин	111
Игорь Адрианович Хорин	113

Мама	122
Галя	124
Хлеб	127
Бася	129
Золото	133
Полина Львовна Герценберг	135
Труд	137
“Чертово колесо”	141
Ненависть	153
Скелет в шкафу	160
Мираж	162
Доходяга	166
Начальник охраны	170
Надежда Васильевна Гранкина	173
Освобождение	183
Николай Васильевич Адамов	187
Верочка	196

Часть третья

Возвращение	215
Повторный арест	226
Этап в Караганду	243
В ссылке	250
Керта Ноуртен	264
“Дело врачей”	272
Смерть Сталина	279
Николай Адамов. Конец пути	281
Реабилитация	285

<i>Примечания</i>	291
-------------------------	-----

Наум Коржавин

С человеческой точки зрения

Мемуары Ольги Львовны Адамовой-Слиозберг я читал одним из первых, по мере их написания. До появления Солженицына я вообще считал, что это лучшее из написанного о сталинских репрессиях и лагерях.

Я и теперь не думаю, что это отношение было преувеличенным. Сейчас может показаться, что тогда — между смертью Сталина и XX съездом — не появлялось ничего на эту тему. Не появлялось только в печати. Москва была завалена рукописями мемуаров, рассказов, пьес о репрессиях, о годах сталинщины. Были среди них и интересные вещи. Но и на этом фоне мемуары Ольги Львовны для меня выделялись. И дело не в том, что она была моим старым другом по Караганде, где она жила в ссылке, а я — в некоторой полуссылке (не имел права жить в Москве и в культурных центрах). Дело в самом характере этих мемуаров. А может быть, и в самой судьбе Ольги Львовны.

В основном ходившие в самиздате мемуары начала 1950-х писались противниками Сталина или людьми, которых он, так сказать, обманул. Писались людьми, так или иначе вовлеченными в политическую жизнь.

Ольга Львовна никакого отношения к политической жизни не имела. Никакие нереализованные политические амбиции ее не волновали. Она была просто интеллигентной женщиной, матерью своих детей. Как и ее муж — доцент университета, — она была беспартийной.

Но когда ее привезли на Лубянку, неожиданно для нее оказалось, что она участник заговора, имеющего целью убить не кого-нибудь, а Лазаря Моисеевича Кагановича. Быть может, наверху шло распределение благ; возможно, Кагановичу в награду за верность такой заговор полагался как именинный пирог (должны же были за верными охотиться враги!). И ее как крупного деятеля осудили на восемь лет тюрьмы и отправили на Соловки.

После были и другие тюрьмы, и лагеря Колымы, повторный арест и ссылка в Караганду. И везде были люди, везде было страдание. На все она смотрела с человеческой точки зрения, глазами не политика, а просто человека. Впрочем, не просто человека, а человека определенной художественной культуры. Это и отразилось в ее мемуарах. Через них проходят совершенно разные люди, которых свела беда: коммунисты, беспартийные, уголовники, крестьяне, верующие и неверующие. И все для нее были прежде всего страдающими людьми. Во всех она видела человеческое — когда раздавленное, а когда и устоявшее. Такими они отражались в ее доброжелательных глазах, такими они и вступили на страницы ее мемуаров.

Эти мемуары поражают своей лаконичностью, собранностью, естественностью. На очень небольшом пространстве свободно уживаются множество людей, судеб. В этих мемуарах глубина народной трагедии, связанной со сталинщиной, ощущается явственнее, чем во многих других. Особенно тогда. Но и теперь тоже.

Тогда, в 1950-е — 1960-е годы, я показывал эти мемуары многим профессиональным литераторам. На них го-

рячо отозвался С. Я. Маршак. К ним с интересом отнесся А. И. Солженицын. Мое отношение к этой книге разделяли многие. Но света тогда, когда она была написана, и даже в годы оттепели она увидеть не смогла, несмотря на ее отнесенительную внеидеологичность. И дело даже не в темах, которые она задевала, не во взглядах, которые высказывала, а в том, что это был голос свободного человека.

Хорошо, что теперь читатель получит к ней доступ. Книга читается легко, захватывает. Многие эпизоды потрясают. Эта книга — для читателя.

Незадолго до смерти С. Я. Маршак сказал, что этой книге суждена долгая жизнь. Я тоже так думаю.

ПУТЬ

Перед вами мой “Путь”.

Я обращаюсь к вам,
нашим детям и внукам,
от имени сотен тысяч
женщин-страдалиц,
с которыми я провела
двадцать лет.

Не забывайте их мук.
Не прощайте их мучителей.
Этого — нельзя простить!

Я реабилитирована.
Двадцать лет этот час казался порогом в лучезарное будущее. Но вместе с радостью пришло чувство отверженности, неполноценности. Никто не вернет лучших в жизни двадцати лет, никто не воскресит умерших друзей. Никто не скрепит порвавшихся и омертвевших нитей, соединявших нас с близкими.

Возвращение к жизни — тяжелый процесс.

И тут как никогда важно подсчитать свой капитал: с чем ты вернулся, чем ты владеешь.

У тебя нет крова над головой, у тебя нет денег, у тебя нет физических сил. Твое место занято, потому что жизнь не терпит пустоты, и кровавая рана, которая образовалась в плоти жизни, когда оттуда вырвали тебя, заросла. Твои родители умерли, твои дети выросли без тебя. Ты двадцать

лет не занимался своей работой, ты отстал и можешь быть лишь подмастерьем там, где твои товарищи стали мастерами. А трудно быть подмастерьем в пятьдесят лет. Казалось бы, все очень плохо. Казалось бы, ты банкрот.

Но если эти годы ты честно думал, смотрел, понимал и можешь рассказать обо всем людям, ты им нужен, потому что в сутолоке жизни, под грохот патриотических барабанов, угроз и фимиама лести они не всегда могли отличить ложь от правды.

И горе тебе, если ты ничего не понял, ничего не вынес из бездны, в которой оказался. У тебя все отнято, и никакая бумажка не вернет тебе места в жизни.

У тебя осталось только то, что есть в твоей душе.

Ты или нищий, или богач.

Эта книга зародилась в 1937 году, через год после того, как меня арестовали.

Сначала я не думала о книге. Думала о том, как объясню сыну и дочери, что их мать и их отец стали “врагами народа”. Я думала об этом все ночи. Самое трудное в заключении — это научиться спать. Я училась этому три года. Три года я лежала тихо-тихо ночи напролет и мысленно рассказывала. Обо всем. Не только о себе. О товарищах по несчастью, с которыми меня свела судьба, об их горестных страданиях, трагических случаях их жизни. Когда свершалось что-нибудь потрясшее меня, я ночью “вписывала” это в мою устную повесть. И она становилась все объемистее и объемистее.

Так создавалась эта книга.

Она жила во мне все эти годы.

Часть первая